ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.12:81'42
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-588-598
EDN VCEOEY

«О грамматологии» Жака Деррида: философско-правовой анализ

Зипунников Н.В.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82
АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»
Россия, 119002, г. Москва, ул. Арбат, д. 16/2
zipunnikovnv@yandex.ru

Аннотация. В философии права сохраняет значение вопрос о том, как юридический смысл остается устойчивым при толковании и изменении контекста применения нормы. Несмотря на развитие правовой герменевтики, исследований юридического языка и цифровизации права, грамматологический подход Жака Деррида редко используется как инструмент анализа нормативного текста. Цель исследования – установить, как категории письма, следа, различания, восполнения и повторяемости позволяют объяснить текстуальную природу права, формирование юридического смысла и пределы определенности нормативного текста. Методологическую основу составляют философско-правовой анализ, герменевтическая реконструкция и сопоставление с теориями правового толкования. Показано, что значение нормы формируется в институциональной цепочке чтения, цитирования, квалификации и легитимации. Выявлено значение понятий письма, следа, различания, восполнения и повторяемости для анализа юридического языка, законотворчества и машиночитаемого права. Вклад автора заключается в обосновании грамматологии как оптики, объясняющей устойчивость правового текста и его контекстное толкование.

Ключевые слова: грамматология, философия права, юридический текст, интерпретация права, юридический язык, деконструкция, законотворчество, правовая герменевтика

Для цитирования: Зипунников Н.В. 2026. «О грамматологии» Жака Деррида: философско-правовой анализ. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 588–598. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-588-598 EDN: VCEOEY

Jacques Derrida's “Of Grammatology”: A Philosophico-Legal Analysis

Nikita V. Zipunnikov
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation
Agency for Strategic Initiatives
16/2 Arbat St., Moscow 119002, Russian Federation
zipunnikovnv@yandex.ru

Abstract. Contemporary philosophy of law faces the problem of how legal meaning remains stable while norms are interpreted in changing contexts. Although legal hermeneutics, legal language studies, and digital law are developing, Jacques Derrida's grammatology is rarely used for analyzing normative texts.

© Зипунников Н.В., 2026

The purpose of the study is to establish how the concepts of writing, trace, differance, supplement, and iterability explain the textual nature of law, the formation of legal meaning, and the limits of certainty in normative texts. The methodology combines philosophico-legal analysis, hermeneutic reconstruction, and comparison with theories of interpretation. The study shows that the meaning of a legal norm is formed through an institutional chain of reading, citation, qualification, and legitimation. The concepts of writing, trace, differance, supplement, and iterability are relevant to legal language, lawmaking, and machine-readable law. The author's contribution is to substantiate grammatology as a perspective explaining the stability of legal texts and contextual interpretation.

Keywords: grammatology, philosophy of law, legal text, legal interpretation, legal language, deconstruction, lawmaking, legal hermeneutics

For citation: Zipunnikov N.V. 2026. Jacques Derrida's "Of Grammatology": A Philosophico-Legal Analysis. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 51(3): 588–598 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-588-598 EDN: VCEOEY

Введение

Работа «О грамматологии» Жака Деррида [2000] посвящена гораздо более широкому кругу вопросов, чем может следовать из ее названия. Разбирая сложившееся в европейской философии отношение к письму, Деррида обращается к основаниям самой метафизической традиции. Одной из ее устойчивых черт он считает представление о непосредственном присутствии смысла. С этим представлением связан и привычный приоритет устной речи перед письмом. Предполагается, что мысль существует до ее языкового выражения, а голос оказывается ближе к первоначальному смыслу, поскольку говорящий одновременно слышит собственную речь. Отсюда возникает ощущение непосредственной связи между субъектом, его мыслью и произнесенным словом. Письму в такой системе отводится производная роль. Оно воспринимается как способ зафиксировать уже существующий смысл, причем письменный текст отделяется от автора и допускает прочтения, которые тот уже не способен контролировать. Деррида показывает, что подобное различение речи и письма связано с более общей системой философских и культурных иерархий. Через нее одни способы производства и передачи смысла получают статус исходных и естественных, тогда как другие рассматриваются как производные и менее надежные. Поэтому логоцентрическая конструкция требует последовательного деконструктивного анализа.

Философско-правовой интерес к работе «О грамматологии» вытекает из простой предпосылки: право существует прежде всего как письмо. Сила права закрепляется именно в текстах, нормы по общему правилу действуют только тогда, когда они официально опубликованы и имеют соответствующие формы удостоверения (подпись, печать, регистрацию). Законы, иные нормативные правовые акты, судебные решения, договоры – без надлежащего оформления их реализация в большинстве случаев невозможна. Юридическая сила строится на том, что текст действует в отсутствие автора и в изменяющихся обстоятельствах – законодатель не присутствует в момент применения нормы, адресат может быть неопределенным, фактическая ситуация каждый раз иная. Более того, большинство видов толкования норм права использует именно текст нормы.

Юриспруденция на протяжении всей своей истории сталкивается с борьбой между идеалом и интерпретацией – между «буквой» и «духом», грамматическим и телеологическим толкованием, равным применением и справедливостью в конкретном случае. Чаще всего эту борьба объясняют несовершенством языка, недостатками юридической техники или субъективностью интерпретатора. Грамматологический (используя терминологию Ж. Деррида) подход позволяет увидеть, что источник проблемы глубже – неопределенность и конфликт смысла связаны со структурой знака, его повторяемостью и зависимостью от контекста. Если принять, что значение того или иного

понятия возникает не само по себе, а посредством отсылок к другим понятиям, то правовая практика никогда не сможет устранить толкование как помеху; она может лишь институционально управлять интерпретацией, делая ее предсказуемой, проверяемой и аргументируемой.

Одной из исходных работ для философско-правового прочтения деконструкции остается исследование Дж. Балкина, который связал самостоятельность юридического текста с множественностью его интерпретаций [Balkin, 1987]. В современной российской литературе близкая проблематика развивается прежде всего в исследованиях цифровизации права. М.А. Липчанская и С.А. Привалов [2022] рассматривают машиночитаемое право в связи с усложнением правовой системы, неоднозначностью толкования норм и потребностью в алгоритмизации регулирования. А.Е. Берлин и О.В. Блинова [2025] исследуют лингвистические источники юридической неопределенности и способы их автоматического выявления. А.А. Писарев [2025] обращает внимание на риск ослабления субъектной позиции человека при алгоритмическом управлении. Наименее разработан вопрос о том, как категории письма, следа, различания, восполнения и повторяемости позволяют одновременно объяснить устойчивость нормы, изменчивость ее смысла и пределы машинной формализации права. Этому вопросу посвящено настоящее исследование.

Цель исследования – установить, как категории письма, следа, различания, восполнения и повторяемости позволяют объяснить текстуальную природу права, формирование юридического смысла и пределы определенности нормативного текста. Для достижения цели необходимо определить роль повторяемости и контекста в действии нормы, выявить способы институциональной стабилизации смысла юридического текста и оценить применимость грамматологического подхода к законотворчеству и машиночитаемому праву.

Грамматология как критика логоцентризма

Деррида открывает труд «О грамматологии» демонстрацией того, что понятие письма изначально нагружено культурными и политическими иерархиями. Тройной экзерг (так Ж. Деррида называет эпиграф) – клинопись и свет солнца у «писца», классификация письма у Руссо и тезис Гегеля о «разумности» буквенного письма – показывает, что европейская традиция связывает письмо с идеей света, истины и универсальности. В рамках этой установки буквенное, фонетическое письмо выступает мерой цивилизованности, а иные формы записи – признаком неполноты. Деррида формулирует этот момент предельно прямо: «метафизика фонетического письма… была… самым первым и самым мощным этноцентризмом» [Деррида, 2000]. Из этого следует, что дискуссия о письме с самого начала является дискуссией о «нормальном» и «правильном», легитимных формах знания и праве говорить от имени универсального.

Следующий шаг Деррида – расширение понятия письма. Он фиксирует, что в XX веке слово «язык» стало использоваться для обозначения многочисленных «структур» (бессознательного, поведения, искусства), и по аналогии слово «письмо» тоже перестало обозначать только буквенную графику. Он подчеркивает, что под письмом понимаются не только физические жесты записи, но вся «целостность условий ее возможности»; более того, «все то, что делает возможной запись как таковую – буквенную или небуквенную…». Таким образом, письмо перестало быть вторичной техникой, приложенной к языку, и превратилось в общее условие означивания: через фиксацию различий, повторяемость знака и его отделимость от единичного события. Именно это расширение и делает возможным проект «грамматологии» как науки (или, точнее, критического знания) о письме в широком смысле.

Деррида деконструирует привилегию голоса над письмом. Европейская метафизика часто предполагает, что устная речь ближе к смыслу и к самому означаемому, хоть и не

равнозначна ему: говорящий слышит себя в момент произнесения, а потому будто бы передает смысл без посредника. Письмо же мыслится как внешний механизм, который может функционировать в отсутствие автора и тем самым производит отчуждение. Однако то, что метафизика считает опасностью, на самом деле составляет условие любого знака. Если знак не повторяем, он не отличим от единичного события; если знак не отделим от автора, он не может быть обращен к другому; если знак не переносим в новые контексты, он не является знаком. Поэтому письмо в широком смысле – то есть структура повторяемости и отделимости – не может быть вторичным по отношению к речи: сама речь действует как знак и тоже предполагает повторяемость, различение и возможность быть услышанной или понятой иначе, чем задумано.

Эта мысль проверяется на материале структурной лингвистики, прежде всего в работах создателя Женевской лингвистической школы и структурализма Фердинанда де Соссюра [Соссюр, 2023]. Соссюр утверждает, что значение возникает не из непосредственной связи слова и понятия, означаемого им, а из различий внутри системы языка. Но вместе с тем он стремится удержать письмо как вторичную систему, как изображение речи. Деррида показывает, что здесь сохраняется скрытый фоноцентризм: голос трактуется как более «естественный» носитель языка, а письмо – как добавление. Однако структуралистская установка на различие подрывает возможность «самоприсутствия» смысла в голосе: если смысл – эффект различий, то голос не может быть привилегированным источником присутствия. Тем самым Деррида, критикуя Соссюра, идет дальше него самого и показывает, что и устная речь в системе структурализма не может быть первичной по отношению к письму в смысле означаемого, так как сама строит понятие означаемого путем различия с другими понятиями.

Для обозначения предшествующей речи и письма возможности означивания Деррида использует понятие первописьма (archi-écriture). Первописьмо – это не «первое письмо» по времени создания и не гипотеза о доисторической графике. Это условие того, что вообще возможны след, различие и повторение. В этой логике «письмо до письма» – структурный уровень: то, что делает возможной как речь, так и графическую запись. Поэтому спор о первичности речи и письма оказывается спором о методе: что считать истоком смысла.

Связанное с первописьмом понятие différAnce (различАние) указывает на двойную работу различия: оно и различает (создает отличия), и откладывает (переносит смысл во времени). Значение никогда не совпадает с собой в одном моменте: оно конституируется сетью различий с другими значениями и отсылает к будущим и прошлым употреблениям. В праве эта структура видна в том, что окончательный смысл нормы «откладывается» в цепочке процедур – от текста закона к его применению, разъяснениям и последующей почти неизбежной корректировке практики.

Из понятия следа проистекает критика линейности письма и «книги» как модели знания. Линейная запись поддерживает образ смысловой передачи: от автора к читателю, от истока к копии, от смысла к выражению. Но если значение структурно зависит от различий и повторений, то линейная модель оказывается исторически ограниченной формой организации смысла. Деррида фиксирует это в знаменитой формуле: «Конец линейного письма – это конец книги». Это выражение имеет у Деррида метафорический смысл. Речь идет об отказе от представления о книге как замкнутом и завершенном носителе смысла. Значение возникает через многочисленные отсылки, связи с другими текстами и повторные прочтения. Для права такая логика вполне узнаваема. Правопорядок складывается из множества связанных между собой текстов: законов, подзаконных актов, судебных решений, разъяснений и комментариев. В цифровой среде эта особенность стала еще заметнее. Один и тот же правовой текст существует в разных редакциях, связан гиперссылками с другими актами, включен в поисковые системы и постоянно воспроизводится через цитирование.

К понятию восполнения, или добавки (supplément), Деррида приходит при разборе произведений Руссо. Письмо у Руссо связано с утратой первоначальной непосредственности, однако культура при этом невозможна без письма, воспитания, правил и устойчивых общественных форм. Именно это противоречие интересует Деррида. То, что первоначально выглядит дополнительным и внешним, оказывается необходимым для существования самой предполагаемой целостности. Язык, знаки, правила и институты поддерживают то, что воспринимается как естественное и самодостаточное. Подобную логику можно увидеть и в праве. Формализуя общественные отношения с помощью процедур, определений и санкций, право одновременно закрепляет тот порядок, который затем воспринимается как исходный.

Понятие восполнения позволяет иначе посмотреть и на устройство нормативного регулирования. Закон обычно воспринимается как основной текст, тогда как подзаконные акты, судебные позиции, инструкции и различные формы толкования занимают зависимое положение. Однако без них нормативное предписание во многих случаях остается слишком общим для непосредственного применения. Они уточняют его содержание, определяют порядок реализации и постепенно включают норму в правоприменительную практику. В этом смысле исходный текст существует не изолированно. Его действие поддерживается последующими текстами и интерпретациями, которые вместе с тем неизбежно меняют первоначальный смысл. Именно в руссоистском контексте появляется формула «вне текста не существует ничего», ставшая одной из наиболее известных концентрированных идей работы «О грамматологии». Внутри книги эта мысль не означает отрицания материального мира. Она означает, что доступ к смыслу всегда опосредован: мы встречаемся с миром через системы различий, записи и повторения, а потому нельзя вынести истину «за пределы текста» так, будто текст – чистая оболочка. Проще говоря, у нас нет доступа к смыслу иначе как через знаковые системы в целом и через текст в частности. Для философско-правового анализа важно подчеркнуть: право конструирует юридическую реальность именно через текстуальные процедуры – квалификацию, протоколирование, публикацию. Для права событие или деяние приобретает статус юридического факта, когда оно нормативно квалифицировано и процессуально установлено – то есть описано и закреплено в допустимой форме.

Право как текст и проблема интерпретации

Текстуализм часто исходит из предположения, что смысл присутствует в словах как фиксированное содержание; телеология – что смысл присутствует в цели или в намерении законодателя. Грамматология показывает ограниченность обоих подходов. Намерение само реконструируется из текстов (материалов обсуждения, стенограмм, пояснительных записок), и эта реконструкция всегда зависит от выбранного способа чтения. Значение же слова возникает в сети различий (внутри правовой системы) и в истории употреблений (судебной, административной, доктринальной). Следовательно, конфликт интерпретаций не является случайной ошибкой; он является структурным следствием текстуальности права. Сегодня идеи Деррида о грамматологии получают новое практическое применение и актуальность ввиду развития технологий машиночитаемого права. Если говорить о российском контексте, то ключевым документом, где зафиксировано понимание этого феномена, является Концепция развития технологий машиночитаемого права (далее – Концепция) [1]. В первом же разделе Концепции говорится о равнозначности по юридической силе в будущем и одновременном вступлении в силу норм, написанных на формальном и на естественном языках.

[1] Концепция развития технологий машиночитаемого права. 2021. Утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31.

В контексте идей Деррида интересным представляется тезис из Концепции о том, что стимулировать развитие машиночитаемого права возможно путем унификации подходов к переводу норм права в машиночитаемый вид. Если правовые нормы формулируются на человеческом языке, априори несовершенном в плане передачи смыслов, как мы разобрали выше, то каким образом эти слова можно перевести на формальный язык и кто будет определять, в каком толковании переводить норму в машиночитаемый формат? Возможно ли это в принципе, учитывая, что сам институт права есть «плоть от плоти» человеческого сознания и человеческого языка со всеми их смыслами и толкованиями, недомолвками и семантическими сдвигами? На этот и смежные вопросы еще нет окончательного ответа. Над ним размышляют многие правоведы, лингвисты и философы.

Правоведы указывают на несовершенство естественного языка, который «недостаточно точен и выразителен для сложных правоотношений», что в конечном счете ведет к существенным издержкам из-за неверного понимания норм и необходимости прибегать к помощи профессиональных юристов. С таким мнением согласны и лингвисты, которые отмечают, что «правовая неопределенность произрастает из лингвистической» [Берлин, Блинова, 2025], что мешает однозначному понимания правовых норм. В целом машиночитаемое право и развитие его применения в юридической среде признается «объективной потребностью по ряду причин [Липчанская, Привалов, 2022]: наличие архисложной системы и большого объема современного права; неоднозначность интерпретации правовых норм в традиционном изложении субъектами правоприменения; необходимость алгоритмизации общественных отношений; развитие и внедрение цифровых технологий».

Философская же мысль обоснованно бьет тревогу: опасность перевода нормы и ее применения в автоматический и цифровой формат в том, что адресат нормы будет рассматриваться не как субъект (способный понимать, спорить, аргументировать), а как профиль данных, к которому применяют процедуру. «Сегодня получают распространение практики управления, которые используют нейросети, и уже не предполагают какого-либо образа человека, не формируют никакого субъекта» [Писарев, 2025]. Иными словами, использование и применение машиночитаемого права несет риск утраты человеком субъектности как таковой. И тут мы возвращаемся к мысли, что, возможно, с утратой права, написанного и сформулированного на человеческом языке, будет утрачено и понимание человека с его сознанием и чувствами. Все человеческое вместе с правом рискует перейти в цифровой формат.

Деррида указывает на изменение статуса голоса в технических практиках записи. Он подчеркивает, что распространение звукозаписи и иных средств сохранения устной речи делает возможным «его функционирование в отсутствие говорящего». Тем самым «живой голос» утрачивает монополию на присутствие: он становится тем, что можно фиксировать, архивировать и воспроизводить как запись. Для правовой перспективы это наблюдение особенно показательно: юридический мир изначально строился на документировании, но технологический сдвиг делает документальность тотальной, включая цифровые следы, записи коммуникаций, метаданные. Письмо в понимании Деррида можно рассматривать как одну из основных форм организации современной культуры. Право особенно ясно показывает эту зависимость от записи, воспроизведения и сохранения знаков. В этом отношении идеи Деррида соприкасаются с рассуждениями Х. Л. А. Харта и Р. Дворкина. Харт [Hart, 1958] связывал неопределенность права с существованием пограничных случаев, в которых общий термин уже не дает готового ответа и правоприменителю приходится выбирать между несколькими возможными решениями. Дворкин [Dworkin, 1986] исходил из необходимости искать такое толкование, которое лучше всего согласуется с принципами и целостностью правопорядка. У Деррида источник неопределенности описывается иначе. Знак способен повторяться в новых обстоятельствах, а его значение зависит от контекста употребления. Поэтому

окончательно закрепить за правовым текстом единственное значение трудно. Выбор приемлемого толкования происходит внутри сложившейся системы текстов, юридических процедур и способов аргументации.

Связь между самостоятельностью текста и действием права хорошо передает формула Дж. Балкина [Balkin, 1987]: «управляют тексты, а не люди, которые создали их». После принятия закона его действие уже не зависит от непосредственного присутствия автора. Норма цитируется, толкуется и применяется в обстоятельствах, которых законодатель мог вовсе не предусматривать. Именно способность текста сохраняться и воспроизводиться позволяет праву действовать во времени. Та же способность неизбежно создает возможность разных прочтений, поэтому правовая система вырабатывает процедуры, которые позволяют закреплять одни интерпретации и отклонять другие.

С этих позиций меняется и привычное для юриспруденции соотношение текста и воли. Деррида связывает существование знака с возможностью повторения: письмо как «работа знаков» «начинает порождать повторы, значит, и идеальное». Юридически значимое действие также должно приобрести форму, в которой его можно распознать и воспроизвести. Подпись, формулировка нормы, содержание договора или судебного решения приобретают значение потому, что их можно зафиксировать, предъявить другому участнику, прочитать позднее и соотнести с новой ситуацией. Воля участника при этом получает юридическое значение через форму, доступную для последующего прочтения и применения.

Текстуальная природа нормативности особенно отчетливо проявляется в прецедентах и практике цитирования. Судебное решение не исчерпывается разрешением конкретного спора, а формирует фрагмент «памяти» правопорядка, который затем воспроизводится в последующей аргументации. Юридическое рассуждение строится как цепочка отсылок к нормам, прежним решениям, доктрине и установленным фактам. В этой цепочке смысл действует как след: каждое новое употребление повторяет прежний текст, одновременно перенося его в иной контекст и тем самым наращивая значение.

Апелляция к цели или к намерению законодателя в грамматологическом фокусе требует особой осторожности. Намерение не дается как таковое. Оно существует в той же форме, что и сам закон, т. е. в форме текста – пояснительных записок, докладов, стенограмм, официальных сообщений. Это означает, что контекст – тоже текст, и потому он не способен окончательно закрыть смысл. В правоприменении это проявляется как конкуренция контекстов: одна сторона использует системное толкование, другая – телеологическое, третья – строго грамматическое, а четвертая и вовсе добавляет смысл путем апелляции к конституционным принципам или международным обязательствам. Грамматология помогает увидеть, что спор идет не о «возвращении» к исходной цели, а о выборе того набора текстов, который будет признан релевантным и легитимным для данного конкретного случая, так как до «настоящего», первоначального смысла нормы не добраться вообще, тем более что законодатель – это не персонифицированная личность, а совокупность лиц, которые даже выступают не как самостоятельные личности, но как представители законодательной или исполнительной (в случае законотворческой инициативы, поэтому, возможно, и судебной) ветви власти, связанные регламентами, предвыборными обещаниями и подчиненностью вышестоящим руководителям.

Если перейти от философских оснований к языковой стороне права, становится очевидно, что юридический язык постоянно сталкивается с полисемией, омонимией и контекстной вариативностью. Одно и то же слово может иметь общелитературное, специальное и доктринальное значения; некоторые термины переносятся из других отраслей (например, из экономики или техники) и меняют смысл в юридической среде. Кроме того, право использует конструкции, где значение зависит от грамматики: «и (или)», «если иное не предусмотрено», «в том числе», «вправе» и «обязан». Даже небольшое изменение синтаксиса способно повлиять на объем полномочий, обязанностей

или ответственности. Поэтому форма юридического текста имеет самостоятельное значение: порядок слов, структура конструкции и выбранная грамматическая связь непосредственно участвуют в формировании содержания нормы.

Конституция, принципы и законотворчество

Особый интерес с позиций грамматологии представляют конституционные и другие учредительные тексты. С ними обычно связывают волю народа, учреждение государства и исходную точку правопорядка. Однако действие конституции не исчерпывается моментом ее принятия. Ее положения постоянно получают новое прочтение в судебной практике, законодательстве и доктрине. Устойчивость конституционного текста во многом зависит от сложившихся институтов толкования и конституционного контроля.

Иной способ объяснения этой устойчивости предлагает Ганс Кельзен в «Чистом учении о праве» [Кельзен, 2015]. В его теории конституция занимает высшее место в системе позитивного права, а действительность правопорядка связывается с постулируемой основной нормой: «Должно вести себя так, как предписывает конституция». Через нее юридическое мышление придает нормативный смысл действиям, которые признаются правотворческими. Основная норма тем самым выступает логической предпосылкой всей системы: именно через нее объясняется юридическая действительность конституции и основанных на ней актов.

С точки зрения Деррида такая конструкция вызывает дополнительный вопрос о самом основании конституционного авторитета. Конституция продолжает действовать спустя годы и десятилетия после ее принятия, применяется к новым отношениям и становится предметом различных толкований. Ее значение поддерживается судами, текущим законодательством, процедурами изменения и сложившейся практикой применения. Поэтому авторитет конституционного текста можно связывать с постоянным его воспроизведением и признанием внутри правовой системы. Такой подход позволяет отказаться от представления о первоначальном акте учреждения как единственном источнике последующей легитимности.

Сходная проблема возникает при толковании прав человека и общих правовых принципов. Такие категории, как «достоинство», «равенство», «справедливое судебное разбирательство» или «неприкосновенность частной жизни», сформулированы предельно широко. Благодаря этому они применимы к отношениям, которые невозможно было заранее перечислить в тексте закона или конституции. Одновременно содержание этих понятий приходится постоянно уточнять. Оно складывается через законодательство, судебные решения и доктринальные интерпретации. В терминах Деррида исходная формулировка существует вместе с последующими восполнениями, каждое из которых уточняет ее, сохраняя возможность дальнейшего толкования. Для законотворчества отсюда следует вполне практический вывод. Юридическая формулировка редко бывает самодостаточной. Дефиниции, перечни, отсылки и исключения уменьшают неопределенность лишь до некоторого предела. Слова, использованные в определении, сами могут потребовать толкования. Перечень ставит вопрос о ситуациях, которые в него не вошли. Отсылка связывает содержание нормы с другим актом и его последующими редакциями. Исключение заставляет устанавливать границу между общим правилом и специальным случаем. Законодатель поэтому заранее работает с будущими вариантами прочтения нормы, даже если стремится максимально сузить их число.

Особенно заметна эта зависимость при выборе юридических терминов. Слово определяет границы правовой категории, а вместе с ними круг лиц и ситуаций, на которые распространяется соответствующий режим. Оценочные понятия вроде «значительного ущерба», «явного неуважения», «угрозы», «достоверности» или «обоснованности» оставляют правоприменителю заметное пространство для усмотрения. Чем шире возможный диапазон значений такого понятия, тем большее значение приобретает его последующее толкование судом или иным компетентным органом.

Еще отчетливее роль языка проявляется в категориях, через которые право описывает участников общественных отношений: «собственник», «потребитель», «работник», «подозреваемый», «иностранный гражданин», «орган власти». От отнесения лица к одной из таких категорий зависят права, обязанности, гарантии, правила доказывания и другие юридические последствия. Поэтому изменение самого термина или границ его определения способно изменить правовой результат даже при тех же фактических обстоятельствах. Борьба за термины в таком случае становится борьбой за власть – за то, какие различия будут признаны юридически значимыми.

Проблема значения тесно связана с ответственностью и доказательством. Юридическая ответственность нередко зависит от описания внутренних состояний, однако право вынуждено переводить их во внешние признаки: «знал или должен был знать», «мог предвидеть». Эти формулы представляют собой типичный пример следовой структуры: внутреннее состояние реконструируется по следам поведения и документам, а затем закрепляется в тексте решения. Тем самым грамматология показывает, что право работает прежде всего с тем, что может быть записано, предъявлено и интерпретировано в текстуальной форме.

Важное следствие касается соотношения общего и частного, правила и случая. Любое правило должно быть общим, иначе оно не правило. Возникает апория: одинаковое применение правила игнорирует различия случаев, а учет различий требует отступления от правила, которое в итоге перестает быть правилом. Правовая система отвечает на это институционально через усмотрение, стандарты разумности, принцип пропорциональности, доктрины добросовестности, систему исключений и оговорок. Грамматология показывает, что эти механизмы являются способами удерживать нормативность в мире различий: право вынуждено быть одновременно повторяемым и контекстным. Это вновь возвращает нас к мысли о машиночитаемом праве – возможно ли оно в таком случае?

Грамматологический подход дает несколько практических ориентиров для законотворчества. Дефиниция должна прежде всего обеспечивать устойчивое понимание термина в конкретной системе норм. Излишняя детализация способна породить новые противоречия и затруднить применение закона. Рамочные нормы и отсылочные положения требуют ясного ответа на вопрос о том, какой орган вправе конкретизировать регулирование и в каких пределах. При использовании оценочных понятий желательно заранее определять основные критерии их применения, поскольку иначе значительная часть содержания нормы фактически формируется уже правоприменителем. Наконец, при подготовке закона необходимо учитывать последующее существование текста: изменение редакций, внесение поправок, официальное опубликование и возможность установить, какая именно версия нормы действовала в конкретный момент.

Цифровая среда делает грамматологические темы практически неизбежными. Современное право существует как множество текстов: официальная публикация, электронные базы, машиночитаемые форматы, судебные корпуса. Возникают вопросы, которые в бумажной эпохе казались сугубо техническими, но фактически имеют онтологический статус: что считать аутентичным текстом нормы, как фиксировать версионность, как обеспечивать воспроизводимость ссылки, как соотносить «текст закона» и «текст в информационной системе». Грамматология предлагает здесь принципиальную установку: определенность обеспечивается институциональным управлением следами – прозрачными правилами публикации, архивирования и интерпретации.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать четыре основных результата. Во-первых, письмо в грамматологии Деррида понимается как структура повторяемости, отделимости знака от автора и переноса текста в новый контекст. Применительно к праву

эта структура обеспечивает действие нормы во времени. Во-вторых, категории следа, различания и восполнения показывают, что значение нормы формируется в системе взаимосвязанных актов, судебных решений, процедур и доктринальных толкований. В-третьих, устойчивость юридического смысла поддерживается институциональными процедурами опубликования, цитирования, квалификации, толкования и контроля. В-четвертых, перевод нормы в машиночитаемый формат требует предварительной интерпретации и закрепляет один из возможных вариантов ее понимания. Смысловая неопределенность при этом переносится на этап формализации.

Из полученных результатов следует, что неопределенность юридического текста имеет структурный характер. Правопорядок ограничивает ее с помощью компетенций, процедур и правил юридической аргументации. Для законотворчества это означает необходимость согласовывать дефиниции с системой действующих норм, устанавливать пределы конкретизации рамочных положений, задавать критерии применения оценочных понятий и обеспечивать достоверную версионность нормативного текста.

Научный вклад исследования заключается в построении философско-правовой модели юридического текста, которая связывает нормативную устойчивость, контекстную изменчивость смысла и институциональную стабилизацию интерпретации. Предложенная модель может применяться при подготовке правовых дефиниций, рамочных и отсылочных норм, а также при разработке машиночитаемого законодательства.

Список литературы

Берлин А.Е., Блинова О.В. 2025. Автоматическая детекция адъективной неопределённости в русском юридическом тексте: датасет, модели, результаты. *International Journal of Open Information Technologies,* 12: 74–84.

Деррида Ж. 2000. О грамматологии. М., Издательство «Ad Marginem», 511 с.

Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. 2-е изд. Пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. СПб., Издательский Дом «Алеф-Пресс», 542 с.

Липчанская М.А., Привалов С.А. 2022. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы. *Журнал российского права*, 10: 85–96.

Писарев А.А. 2025. Алгоритмическое управление: субъективация под вопросом. *Вопросы философии*, 10: 89–100.

Соссюр Ф. де. 2023. Курс общей лингвистики. Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера; пер. с фр.; под ред. и с примеч. Р.О. Шор. М., ЛЕНАНД, 270 с.

Balkin J.M. 1987. Deconstructive Practice and Legal Theory. *Yale Law Journal,* 96(4): 743–786.

Dworkin R. 1986. Law's Empire. Cambridge, Mass.; London, Publ. The Belknap Press of Harvard University Press, 470 p.

Hart H.L.A. 1958. Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*, 71(4): 593–629.

References

Berlin A.E., Blinova O.V. 2025. Automatic detection of uncertainty in Russian legal text: dataset, models, results. *International Journal of Open Information Technologies*, 12: 74–84 (in Russian).

Derrida J. 2000. O grammatologii [Of Grammatology]. Moscow, Publ. “Ad Marginem”, 511 p.

Kelsen H. 2015. Chistoe uchenie o prave [Pure Theory of Law]. 2nd ed. St. Petersburg, Publ. Alef-Press, 542 p.

Lipchanskaya M.A., Privalov S.A. 2022. Razvitie tekhnologiy mashinochitaemogo prava [Development of machine-readable law technologies]. *Journal of Russian Law*, 10: 85–96 (in Russian).

Pisarev A.A. 2025. Algoritmicheskoe upravlenie: subektivatsiya pod voprosom [Algorithmic governance: subjectivation in question]. *Voprosy Filosofii*, 10: 89–100.

Saussure F. de. 2023. Kurs obshchey lingvistiki [Course in General Linguistics]. Moscow, Publ. LENAND, 270 p.

Balkin J.M. 1987. Deconstructive Practice and Legal Theory. *Yale Law Journal*, 96(4): 743–786.

Dworkin R. 1986. Law's Empire. Cambridge, Mass.; London, Publ. The Belknap Press of Harvard University Press, 470 p.

Hart H.L.A. 1958. Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*, 71(4): 593–629.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.05.2026
Поступила после рецензирования 20.07.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received May 22, 2026
Revised July 20, 2026
Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зипунников Никита Владимирович, директор проектов центра правовых инициатив АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»; аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita V. Zipunnikov, Project Director, Center for Legal Initiatives, Agency for Strategic Initiatives; postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.